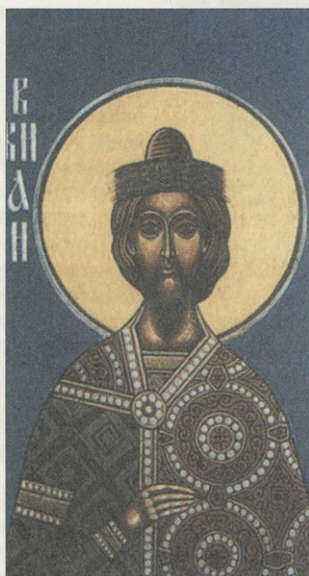


# АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ

Василий Ключевский

**П**олитические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья начали обнаруживаться уже при сыне того суздальского князя, в княжестве которого шел усиленный ее прилив, при Андрее Боголюбском. Сам этот князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразились действия колонизации. Отец его, Юрий Долгорукий, один из младших сыновей Мономаха, был первый в непрерывном ряду князей Ростовской области, которая при нем и обособилась в отдельное княжество: до того времени это чудское захолустье служило прибавкой к южному княжеству Переяславскому. Здесь, на севере, кажется, и родился князь Андрей в 1111 году. Это был настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, по своему политическому воспитанию. На севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не видавши юга. Отец дал ему в управление Владимир на Клязьме, маленький, недавно возникший суздальский пригород, и там Андрей прокняжил далеко за тридцать лет своей жизни, не побывав в Киеве. Южная, как и северная, летопись молчит о нем до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцом и двоюродным братом Изяславом волынским с 1146 года. Андрей появ-



Святой благоверный князь Андрей Боголюбский.  
Роспись Успенского собора

ляется на юге впервые не раньше 1149 года, когда Юрий, восторжествовав над племянником, уселся на киевском столе. С тех пор и заговорила об Андрее южная Русь, и южнорусская летопись сообщает несколько рассказов, живо рисующих его физиономию. Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забываться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и

усобицы развивали удалство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем. У Андрея всегда все было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминает своего деда Владимира Мономаха. Несмотря на свою боевую удаль, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом. Южнорусский летописец с удивлением отмечает в нем эти черты характера, говоря: «Не величав был Андрей на ратный чин, т. е. не любил величаться боевой доблестью, но ждал похвалы лишь от бога». Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к матери городов русских и ко всей южной Руси. Когда в 1151 году Юрий был побежден Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было к осени. Андрей сказал отцу: «Нам тепер, батюшка, здесь делать больше нечего, уйдемка отсюда затепло (пока тепло)». По смерти Изясла-

ва в 1154 году Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 году. Самого надежного из своих сыновей, Андрея, он посадил у себя под рукою в Вышгороде близ Киева, но Андрею не жилось на юге. Не спросившись отца, он тихонько ушел на свой родной суздальский север, захватив с собой из Вышгорода принесенную из Греции чудотворную икону божьей матери, которая стала потом главной святыней Суздальской земли под именем Владимирской. Один позднейший летописный свод так объясняет этот поступок Андрея: «Смуцался князь Андрей, видя настроение своей братии, племянников и всех сродников своих: вечно они в мятеже и волнении, все добываясь великого княжества киевского, ни у кого из них ни с кем мира нет, и оттого все княженья запустели, а со стороны степи все половцы выпленили; скорбел об этом много князь Андрей в тайне своего сердца и, не сказавшись отцу, решил уйти к себе в Ростов и Суздаль — там-де поспокойнее». По смерти Юрия на киевском столе сменилось несколько князей и наконец уселся сын Юрьева соперника, Андрей двоюродный племянник Мстислав Изяславич волынский. Андрей, считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей, недовольных Мстиславом.

Союзники взяли Киев «копьем» и «на щит», приступом, и разгромили его (в 1169 году). Победители, по рассказу летописца, не щадили ничего в Киеве, ни храмов, ни жен, ни детей: «Были тогда в Киеве на всех людях стон и туга,

скорбь неутешная и слезы непрестанные». Но Андрей, взяв Киев своими полками, не поехал туда сесть на стол отца и деда: Киев был отдан младшему брату Глебу<...>

<...>Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства. Таков ряд новых явлений, обнаружившихся в деятельности Андрея по отношению к южной Руси и к другим князьям: эта деятельность была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли. Так взглянули на ход дел и древние летописцы, отражая в своем взгляде впечатление современников Андрея Боголюбского: по их взгляду, со времени этого князя великое княжение, дотоле единое киевское, разделилось на две части: князь Андрей со своей северной Русью отделился от Руси южной, образовал другое великое княжение, Суздальское, и сделал город Владимир великокняжеским столом для всех князей.

В Ростовской земле было два таких старших вечевых города, Ростов и Суздаль. Андрей не любил ни того, ни другого города и стал жить в знакомом ему смолоду маленьком пригороде Владимире-на-Клязьме, где не были в обычае вечевые сходки, сосредоточил на нем все свои заботы, укреплял и украшал, «сильно устроил» его, по выражению летописи, выстроил в нем великолепный соборный храм Успения, «чудную богородицу златоверхую», в котором

поставил привезенную им с юга чудотворную икону божьей матери. Расширяя этот город, Андрей наполнил его, по замечанию одного летописного свода, купцами хитрыми, ремесленниками и рукодельниками всякими. Благодаря этому пригород Владимир при Андрее превзошел богатством и населенностью старшие города своей области. Такое необычное перенесение княжеского стола из старших городов в пригород сердило ростовцев и суздальцев, которые роптали на Андрея, говоря: «Здесь старшие города Ростов да Суздаль, а Владимир наш пригород». Точно так же не любил Андрей и старшей отцовою дружины. Он даже не делил с боярами своих развлечений, не брал их с собой на охоту, велел им, по выражению летописи, «особно утеху творити, где им годно», а сам ездил на охоту лишь с немногими отроками, людьми младшей дружины. Наконец, желая властвовать без раздела, Андрей погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и «передовых мужей» отца своего, т. е. больших отцовых бояр. Так поступил Андрей, по замечанию летописца, желая быть «самовластцем» всей Суздальской земли. За эти необычные политические стремления Андрей и заплатил жизнью. Он пал жертвой заговора, вызванного его строгостью. Андрей казнил брата своей первой жены, одного из знатных слуг своего двора, Кучковича. Брат казненного с другими придворными составил заговор, от которого и погиб Андрей в 1174 году.

Курс русской истории.

Соч. в 9 т.

М., 1987. Т.1. С. 318–324